

Интимный дневник «подчиненной». Реальные «50 оттенков»

Автор:

[Софи Морган](#)

Интимный дневник «подчиненной». Реальные «50 оттенков»

Софи Морган

Дневник «подчиненной» #1

Перед вами реальная история «50 оттенков серого»! Откровенный автобиографический роман успешной журналистки, которая ищет свое место в мире БДСМ. Властная и независимая Софи Морган получает удовольствие от того, что в спальне отдает свою свободу в руки доминирующему партнеру. Автор делится эротическими фантазиями, исследует собственные чувства и приходит к решению стать «покорной».

Софи Морган

Интимный дневник «подчиненной»

Реальные «50 оттенков»

Пролог

Возможно, вы выскочили на улицу позвонить, когда заметили нас, или докуривали сигарету и собирались вернуться в теплый бар. В любом случае мы привлекли ваше внимание на другой стороне улицы.

Не поймите меня неправильно – я не хочу сказать, что я или мой спутник как-то особенно привлекательны. Мы выглядим как любая другая парочка, мы одеты обычно и не ведем себя вызывающе, мы даже не примечательны в своей непримечательности. Но между нами чувствуется энергия, нечто бурлящее, что заставляет вас резко остановиться и оглянуться, несмотря на жуткий холод и на то, что вы уже собирались вернуться к своим друзьям.

Он сжимает мою руку выше локтя с такой силой, что это заметно даже издали, и вы на секунду задумываетесь, останется ли синяк. Он прижал меня к стене, вторая его рука удерживает меня, запутавшись в волосах, поэтому, когда я пытаюсь отвернуться – позвать на помощь? – мне это не удается.

Он не очень крупный и не особо мощного телосложения. Вы бы, наверное, описали его внешность как ничем не примечательную, если б вообще захотели описывать. Но в нем – в нас обоих – есть нечто, что заставляет вас на мгновение задуматься: все ли в порядке?

Я не могу отвести от него взгляда, и очевидная глубина моих эмоций не дает вам отвести взгляд тоже. Вы пристально смотрите на него, пытаетесь увидеть то, что вижу я. И тут он, взяв меня за волосы, притягивает ближе резким движением, которое заставляет вас инстинктивно сделать шаг в нашу сторону, чтобы вмешаться, но внезапно в вашей памяти всплывают газетные истории о добрых самаритянах, которые плохо кончают, и вы останавливаетесь.

Теперь, подойдя ближе, вы слышите, что он говорит. Обрывков фраз достаточно, чтобы уловить смысл. Слова, которые нельзя не понять. Злобные слова. Гадкие слова, говорящие о том, что, возможно, вам и впрямь придется вмешаться, если ситуация усугубится.

Шлюха. Шалава.

Вы вглядываетесь в мое лицо, которое находится очень близко к нему, и видите в моих глазах ярость. Вы не слышите моих слов, потому что я молчу. Я кусаю губу, будто сдерживая желание ответить, но продолжаю молчать. Его рука еще больше запутывается в моих волосах, я вздрагиваю от боли, но не более того – я стою не то что бы пассивно (вы чувствуете, каких усилий мне стоит сохранять неподвижность, они будто осязаемы), но я, несомненно, держу себя в руках, подвергаясь словесной агрессии.

Затем наступает пауза. Он ждет ответа. Вы почти рядом. Если б вам задали вопрос, вы бы ответили, что подошли убедиться, все ли со мной в порядке, но в глубине души вы точно знаете, что это простое любопытство. Между нами чувствуется что-то дикое, первобытное, и это заставляет вас подходить все ближе и при этом почти вызывает отвращение. Почти. Вы хотите знать, как я отвечу, что будет дальше. Во всем этом есть что-то пугающее и одновременно притягательное, поэтому то, что должно было вас напугать, сейчас интригует.

Вы видите, как я сглатываю. Я провожу языком по нижней губе перед тем, как заговорить. Начинаю произносить предложение, понижаю голос, глаза опускаются вниз, чтобы не встречаться с ним взглядом, я шепотом произношу ответ.

Вы не слышите меня. Но вы слышите его.

- Громче.

Теперь я краснею. На моих глазах появляются слезы, но вы не можете определить, чем они вызваны – страданием или яростью.

Мой голос звучит яснее и даже громко в ночной тишине. В моих интонациях звучит непокорство, но румянец на щеках и ключице, выглядывающей из расстегнутой курточки, выдает смущение, которое я не в силах скрыть.

- Я – шлюха. Я была возбуждена весь вечер, думая о том, как ты трахнешь меня, и я буду очень благодарна, если мы пойдем сейчас домой и сделаем это. Пожалуйста.

Моя непокорность исчезает к последнему слову, которое звучит как тихая мольба.

Он лениво проводит пальцем по краю моей рубашки – вырез достаточно глубокий, но не слишком откровенный, – и я вздрагиваю. Он начинает говорить, и вы прилагаете усилия, чтобы тоже не вздрогнуть, услышав его тон.

- Это было почти похоже на мольбу. Ты умоляешь?

Вы видите, как я начинаю кивать, но его рука меня останавливает. Я быстро сглатываю, закрываю на секунду глаза и отвечаю:

- Да.

Пауза, переходящая в тишину. Вдох, похожий на тихий вздох.

- Господин.

Говоря, он продолжает водить пальцем по изгибам моей груди.

- Похоже, ты сейчас готова сделать что угодно ради оргазма. Это так? Сделаешь что угодно?

Я молчу. В моем взгляде читается настороженность, и это вас удивляет, учитывая явное отчаяние в голосе. Вы гадаете, что означало «что угодно» раньше и что будет означать сейчас.

- Ты опустишься на колени и отсосешь у меня? Прямо здесь?

Никто из нас не произносит ни слова долгое время. Он убирает руку от моих волос, делает небольшой шаг назад. Ждет. Я вздрагиваю от звука захлопнутой двери машины, припаркованной вдалеке, и начинаю смотреть по сторонам, изучая улицу. Вижу вас. На секунду наши взгляды встречаются, мои зрачки расширяются от удивления и стыда, и я поворачиваюсь к нему. Он улыбается. Стоит неподвижно.

Из моего горла вырывается звук – полувсхлип, полумольба, – я шумно сглатываю, сопровождая это неясными жестами.

- Сейчас? Не лучше бы нам...

Он прижимает пальцы к моим все ещедвигающимся губам. Он улыбается почти снисходительно. Но его голос тверд. Даже надменен.

- Сейчас.

Я быстро оглядываюсь в вашу сторону. Вы не знаете, но в уме я играю во взрослую версию детской игры: если я не смотрю прямо на вас, значит, вас нет и вы не видите моего унижения, не можете видеть его, потому что я не вижу вас.

Я нервно указываю в вашем направлении.

- Но еще совсем рано, по улице ходят люди...

- Сейчас.

Вы как замороженный наблюдаете за противоречивыми эмоциями, пробегающими по моему лицу. Смущение. Отчаяние. Злость. Смирение. Несколько раз я открываю рот, чтобы что-то сказать, но решаю не делать этого и продолжаю молчать. Он все это время просто стоит рядом. Внимательно следит за мной. Так же пристально, как и вы.

Наконец я с багровым лицом сгибаю ноги в коленях и опускаюсь на мокрую мостовую перед ним. Склоняю голову. Волосы падают на лицо, и его почти не видно, но вам кажется, что в свете уличного фонаря на моих щеках блестят слезы.

Несколько секунд я просто стою на коленях, не двигаясь. Затем вы видите, как я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Я распрямляю плечи, поднимаю голову и тянусь к нему. Но как только мои дрожащие руки касаются пряжки его пояса, он останавливает меня и нежно гладит по голове - так гладят верного пса.

- Хорошая девочка. Я знаю, как это было сложно. Теперь вставай, пойдем домой и закончим там. Сегодня слишком холодно для уличных развлечений.

Он заботливо помогает мне встать. Мы проходим мимо вас, рука об руку. Он улыбается. Кивает. Вы почти киваете в ответ, а потом спохватываетесь и пытаетесь понять, какого черта вы тут делаете. Я сосредоточенно смотрю в землю, опустив голову.

Вы видите, что я дрожу. Но вы не можете знать, насколько меня возбудил этот эпизод. Насколько тверды мои соски, стиснутые бюстгалтером. Не понимаете, что моя дрожь вызвана выбросом адреналина от всего того, что только что произошло на ваших глазах, а не только холодом и унижением. Не знаете, как мне это необходимо. Как это дополняет мою жизнь таким образом, который я не могу до конца объяснить. Что я ненавижу это и одновременно люблю. Жажду этого. Страстно желаю.

Но вы не видите ничего. Только дрожащую женщину с грязными коленками и шаткой походкой.

Это моя история.

Глава 1

Первый опыт

Скажу сразу: я не извращенка. Ну, не более, чем кто-либо другой. Если вы придете ко мне, вас больше поразит гора невымытой посуды в раковине, чем моя нора. Нора, ни больше ни меньше, поскольку стоимость жилья в городе так высока, что мне просто повезло найти квартиру с гостиной, которую с моими деньгами я могу снимать сама. Скажем так, другого выбора у меня не было.

Итак, если говорить надоевшими стереотипами, я не тряпка и не простушка. Я не горю желанием стоять целый день у плиты, пока кто-то охотится и собирает для меня плоды, а я поддерживаю огонь в домашнем очаге. И, честно говоря, повар я довольно дерьмовый. Увы.

Однако иногда, когда мне есть с кем позабавиться, я бываю слишком покорной. Глядя на меня, этого не скажешь. Это просто одна из сторон моей личности, одна из черт моего непостижимого характера, которые делают меня такой, какая я есть. У меня в характере есть необъяснимое желание упрямо спорить, зная, что я не права, и издеваться над 99 % телепрограмм, обожая оставшийся 1 % до такой степени, которая пугает даже меня.

Я журналист, пишу для местной газеты. Я люблю свою работу, и, хотя говорить об этом, вероятно, не стоит, моя склонность к подчинению на нее не влияет.

Я считаю себя феминисткой. И несомненно, я независима. Способна. Контролирую ситуацию. Это то, что доставляет мне удовольствие, хотя может показаться несовместимым с моим сексуальным выбором. Некоторое время это беспокоило и меня. На самом деле беспокоит и сейчас, но, по-моему, в жизни существуют более серьезные поводы для переживаний. Я взрослая женщина и, как правило, нахожусь в здравом уме. И если хочу расслабиться с человеком, которому доверяю, и заняться тем, что доставит удовольствие нам обоим, я считаю это своим правом. Я ведь не делаю этого там, где могу испугать маленьких детей или животных. Я несу ответственность за свои действия и выбор.

Но у меня ушло немало времени на то, чтобы прийти к этому. Если бы это слово – путь – не было присвоено реалити-телевидением и превращено в то, что одновременно вызывает тошноту и требует подборки видео под рокопос, я бы сказала, что это был долгий путь, благодаря которому и возникла эта книга. Это не манифест и не практическое руководство. Моя книга о том, как я обнаружила в себе и исследовала эту склонность, в ней – мой личный опыт, мои мысли. Спросите другого подчиненного, о чем он или она думает и что для него или нее означает быть подчиненным, и книга будет совершенно другой.

Сейчас я понимаю, что моя склонность к подчинению проявилась в раннем возрасте, хотя тогда я назвала бы это иначе. Я просто знала, что есть вещи, которые вызывают во мне трепет, о которых мне нравилось думать, но не понимала почему.

Конечно, ребенком я ни о чем таком не задумывалась – я просто росла в хорошей семье среднего класса. Мне жаль развеивать миф, но мое прошлое не таит глубоких травм, и в годы становления у меня не было недостатка ни в чем, что могло бы спровоцировать мою нынешнюю любовь к грязному сексу. У меня не было комплекса Электры, не было жутких страстей в семье, и мое детство – к счастью для меня – было счастливым, простым и полным любви. Мне повезло и до сих пор везет с семьей: мы очень разные, и я искренне благодарна судьбе за то, что они у меня есть.

Я росла в красивом доме с мамой, папой и братом.

Моя мама, работавшая бухгалтером до моего появления, посвятила свою жизнь нашему воспитанию и всегда была душой семьи. Она проводила с нами много времени, помогала взрослеть, будь то помощь с домашними заданиями или игры с нами в саду. Мама никогда не была сторонним наблюдателем: если мы катались на роликах, она каталась с нами. Но главной ее страстью был ремонт, который она делала сама.

У папы был собственный бизнес, он самый трудолюбивый человек из всех, кого я знаю. Кормилец во всех отношениях, благодаря которому в детстве мы получали все, что хотели: велосипед, путешествия (к счастью, мама всегда следила за умеренной выдачей этих подарков) и домашний уют. Он умен, обладает чувством юмора, и в нем живет тяга к приключениям, которую я, кажется, унаследовала, как и независимость духа и не требующее извинений чувство «я такой и есть», которое он поощрял в своих детях вопреки взглядам собственных родителей, считавших, что делать следует то, что ты должен, а не то, что ты хочешь.

Мой брат во многом полная моя противоположность. Я обычно довольно спокойная и чувствую себя наиболее комфортно среди близких, он – душа компании, тот, кто заражает энергией окружающих, кто умеет добиваться своего. Попади я в беду, я бы в первую очередь позвонила в три часа ночи именно ему – не в последнюю очередь и потому, что он ведет практически ночной образ жизни. Мне очень повезло, что этот мужчина, который, вероятно, будет рядом со мной дольше, чем кто-либо другой, такой замечательный. Хотя (это покажется смешным и противоречивым), если оставить нас на три дня вместе в семейном кругу на Рождество, мы превратимся в подростков, спорящих о том, кто проводит в ванной слишком много времени (кстати, обычно – он).

В нашем уютном двухквартирном доме был зверинец: золотая рыбка Голди (не судите меня строго: мне было три года, когда я дала ей имя), хомяк Сырник и собака Барри, которую я назвала в тот период, когда задавалась вопросом: «Почему собаки не могут иметь человеческие имена?» (ответ нашелся довольно быстро, когда мой бедный отец бегал по парку, выкрикивая «Барри!» так, что это, несомненно, пугало других собачников). Я всегда любила животных, и одно из моих самых ярких воспоминаний связано с тем, как я хоронила найденную в саду мертвую птицу – против воли мамы, которую, конечно, волновали вопросы гигиены. Когда она узнала, что я все же перенесла эту птицу к месту погребения и устроила заупокойную службу в присутствии брата и соседских детей, меня с позором отправили в свою комнату. Это наказание –

рукоприкладство у нас не практиковалось – таковым для меня вовсе не являлось. Моя комната, полная книг, на которые я тратила все карманные деньги, была одним из моих любимых мест, и я с удовольствием часами сидела на подоконнике, читая и наблюдая за миром из окна. Но на этот раз «арест» показался мне несправедливым. Я написала письмо Дэвиду Беллами[1 - Дэвид Джеймс Беллами – известный британский писатель, телеведущий, эколог и ботаник. – Прим. ред.], в котором рассказала о деспотичной обстановке, в которой мне приходится жить, где отвергается охрана природных ресурсов и равнодушные люди не обращают внимания на мертвых птиц. Он не ответил, и это было, пожалуй, к лучшему, поскольку, скорее всего, посоветовал бы слушаться маму, а это меня рассердило бы еще больше. Это было самым серьезным разногласием с мамой за все детство, что говорит о том, что я никогда не была прирожденной бунтаркой. Я тихо занималась своими делами и не пыталась нарушать границы, главным образом потому, что могла делать почти все, что хотела, и не испытывала потребности вступать в споры. Должна признать, ситуация изменилась, когда я повзрослела.

Я начала писать рано – помню, как сочиняла и иллюстрировала рассказы в маленьких книжечках формата А5, прошитых скрепками. Обычно мои рассказы основывались на детских телешоу, книгах и фильмах, которые мне нравились. В то время я рисовала гораздо лучше, чем писала, что отнюдь не свидетельствовало о моих писательских способностях. Я увлеклась искусством в раннем возрасте после просмотра новостей о том, как работы какого-то не по годам развитого ребенка продавались за тысячи фунтов. К сожалению, когда я сварганила парочку работ, используя цветные карандаши, фломастеры и смешанную технику, моя мама с радостью приняла первую картинку и даже снизила до того, чтобы дать мне 50 пенсов за второе произведение. Но когда я подняла свою цену до десятки – мне казалось это вполне уместным, – она по-доброму, но твердо отказала. Это убило все мои планы сделать карьеру в мире искусства и заставило вернуться к мини-книжкам и комиксам.

Если бы было возможно, я бы в то время затянула себя, своих друзей и семью в миры Нарнии, Средиземья или в место поближе к дому, но в некотором смысле более смутное, обнаруженное на кабельном ТВ, например в город Ньюкасл, изображенный в телесериале «Гиганты Джосси», повествующем о школьной футбольной команде.

Моя любовь к «Гигантам Джосси» и футболу в принципе была обусловлена тем, что я во многом напоминала мальчишку. Я была довольно далека – как и сейчас – от девичьего стереотипа. Мне патологически не нравится розовый цвет, и я так и не полюбила косметику, дорогую одежду или модные туфли – даже сейчас, если обуть меня в туфли на каблуке, я буду похожа на Бемби, пытающегося пересечь замерзшее озеро. Однако то, что я не трачу на обувь, я с лихвой компенсирую тратами на лак для ногтей и сумочки. Взрослея, я не особо волновалась об отношениях с мальчиками, при этом ирония заключается в том, что в школе у меня было множество друзей мужского пола, потому что я с удовольствием играла с ними в футбол и мне была совсем несвойственна склонность к пустой болтовне. Если бы меня спросили в 10 лет, что я люблю больше всего, я бы, конечно, назвала чтение, катание на роликах и велосипеде, лазанье на дерево, росшее в глубине нашего сада. Это дерево было для меня особенно притягательным по важным для меня на тот момент причинам. Оно было моим личным местом – меня не интересовали царапины и грязь, неизбежные при подъеме, даже несмотря на хитроумное изобретение в виде шкива из скакалки, которое помогало добраться до первой подходящей ветки. Во многом я была ребенком-одиночкой, очень комфортно себя чувствовала одна, читая или мечтая, и это, наверное, не слишком удивительно – если подумать об автопортрете, который я нарисовала, – портрете антисоциальной пацанки.

Конечно, ни одна женщина не может жить в полной изоляции, даже если проводит много времени на верхушке вишни. В школе у меня было много друзей, со многими из которых я до сих пор близка. Хоть мне были ближе неформалы, увлекающиеся музыкой, театром, технологиями, я ладила со всеми, а возникавшие проблемы старалась урегулировать, используя чувство юмора. Училась я довольно посредственно. Мне понадобилось время, чтобы встать на ноги, поскольку из одной из самых умных в младшей школе я превратилась в среднюю ученицу по большинству предметов, а это означало, что многое теперь давалось не так легко и требовало усилий. От этого я испытала шок, но, возможно, оно было к лучшему: это разрушило иллюзии насчет раннего развития, источником которых, вероятно, была убежденность моей семьи в том, что я – гений, потому что люблю читать. Я не была самой красивой или одаренной в классе, но вскоре я поняла, что и это к лучшему, потому что мне казалось, что самые симпатичные и умные девочки обычно являются объектами злобных нападок. Я же работала много и добросовестно – результат врожденной потребности радовать других. Хотя иногда я боялась подвести учителей или родителей, в целом в школе мне было хорошо, но скучно.

Ирония в том, что мое развитие в романтическом смысле наступило довольно поздно. Впервые я поцеловалась в 12 или 13 лет, и, если честно, это меня совсем не впечатлило. Не было раскатов грома, романтической музыки – разочарование! По-моему, кто-то из нас сказал «ну вот».

Кстати, я читала женские журналы и знала, что такое секс, но в то время у меня не было желания попробовать им заняться. Однако я поняла, что, когда не получается заснуть, движения руки между ног приносят удовольствие, которое помогает погрузиться в сон. И когда я давала свободу мыслям, они всегда были связаны с подобными темами.

Я всегда увлекалась мифами и легендами, и в детстве моим любимым героем был Робин Гуд. О нем я смотрела все фильмы, сериалы (не будем вспоминать о последних экранизациях, а то я начну скрежетать зубами), читала все художественные и исторические книги, которые могла найти. Однако у меня были трудности с леди Мэриан: меня раздражало, что она все время подвергает себя опасности по дурацким причинам, а потом ее приходится спасать. Также меня раздражало, что она не дралась, что ей не досталась роль хотя бы надежного помощника и большую часть времени она лечила раны славных товарищей и задумчиво смотрела вдаль, когда они отправлялись на поиски приключений.

Тем не менее мне больше всего нравились те части этих историй, в которых она попадает в беду – т. е. делает то, за что я ее презирала. Когда ее брали в плен – в качестве неременной наживки в ловушке, предназначенной для поимки Робин Гуда (что, кажется, было ее главной целью в жизни), – ее противостояние Гаю Гисборну и шерифу Ноттингемскому возбуждало во мне сильный интерес. Ее обычно держали в каком-нибудь сыром, похожем на подполье месте, при этом часто связывали или заковывали в цепи. Беззащитная все равно оставалась непокоренной, полной достоинства в унижительной ситуации, и это что-то задевало во мне, заставляло сердце биться чаще. Знаете, как это бывает в детстве, когда то, что вы читаете или смотрите, настолько захватывает вас, что вы погружаетесь туда, в ту роль, проживаете ее, чувствуете ее? (Хотя я и пишу «в детстве», я до сих пор чувствую то же самое, когда читаю или смотрю что-то ошеломляющее, просто теперь это случается не так часто.) Так вот, все сцены, которые я проигрывала в уме, исполняя главную роль, были сценами с леди Мэриан, даже несмотря на то что она была глуповата, и я представляла в лучшем свете нудные эпизоды, следовавшие после ее спасения Робинсом и возвращения в лагерь, где она продолжала беречь семейный очаг.

Так все и было... пока я не открыла для себя порно.

Мне было лет 14, когда вокруг журнала, издавшего эротическую книжку для женщин, поднялась шумиха. У меня в комнате не было Интернета, и, честно говоря, хоть я и знала о том, что эротическое вдохновение следует искать именно там, меня не интересовали фотографии женской груди, потому что у меня была собственная и эта часть тела не казалась мне уж столь выдающейся. А вот с этой книгой было по-другому. Бесконечные разговоры о моральном разложении и прочем привели к тому, что я почти целый месяц отчаянно пыталась достать книгу, отчасти потому, что начала подозревать, что я развратнее моих одноклассников или хотя бы развратнее, чем они обо мне думают. Помимо того, что мне хотелось узнать, насколько скандально содержимое книжки, я убеждала себя, что она может служить своего рода барометром непристойности.

Только была одна проблема.

В агентстве, распространявшем журнал в нашем городке, работала наша соседка, и она не только отказалась бы продать мне книжку – ведь тогда мне было намного меньше 18, – но и рассказала бы маме, а это могло привести к одному из тех гадких разговоров, которые вызывают желание оторвать себе уши, лишь бы все прекратилось. Однозначно, это был не вариант. Поэтому как-то раз я села в автобус, следовавший в ближайший крупный город, и купила книжку там. У меня вспотели руки, на мне все еще была школьная форма, и я страшно боялась, что продавщица поймет, что я несовершеннолетняя и без зазрения совести покупаю то, что «DailyMail» назвала абсолютной мерзостью, и заставит вернуть ее, пока книга случайно не развратила меня навсегда. Продавщица ничего такого не сделала. Я положила книжку в рюкзак и со все еще колотящимся сердцем прошла пешком две мили домой; свое опоздание я объяснила маме тем, что была на тренировке по хоккею.

Вспоминая о той книге, которую до сих пор не могу решиться выкинуть, хотя теперь она настолько затрепана, что страницы выпадают, могу сказать, что мне кажется смешным и нелепым тот резонанс, который она когда-то вызвала. Но тогда она была для меня открытием. Первые страницы моих любимых глав остались загнутыми – для быстрого поиска. В одном из разделов речь идет о склочной, но при этом ранимой женщине, ругающейся с мужчиной, который ей явно нравится и с которым она, однако, постоянно конфликтует. Закончилось все тем, что он привязал ее к дереву плющом (согласна, звучит неубедительно,

ну и пусть – это был греческий плющ, который, возможно, обладает ранее неизвестными свойствами прочности) и делал с ней что хотел: проводил руками по телу, грубо целовал, оскорблял словесно. Она стояла, возбужденная вопреки своей воле, и он довел ее до оргазма, при этом она не могла ничего делать, кроме как откинуть голову и стонать от удовольствия. Сейчас это кажется довольно глупым, но в то время это вызвало отклик в моей душе. Теперь я проигрывала в воображении именно этот эпизод ночью в кровати, сопровождая фантазию трением рукой между ног, погружаясь в сладостный сон.

Конечно, в жизни любой девочки наступает момент, когда настоящие мальчики вытесняют и книги, и Гаев Гисборнов (Робин был не совсем в моем вкусе). Мой первый настоящий парень, который был старше меня, но не умнее, сначала вроде уловил мои сигналы, которые я не понимала и сама. В отличие от других мальчиков, с которыми я целовалась, этот крепко сжимал мою голову, намотав мои собранные в хвост волосы на руку при прощальном поцелуе, и мне это нравилось. Мне нравилось быть в его власти, быть неподвижной, в то время как сплетались наши языки.

Я фантазировала о продолжении этих поцелуев, думала, что они намекали о другой стороне удовольствия, которую никто не видел, но я уже ощущала. А в один вечер, целуясь на прощанье, он укусил меня за нижнюю губу – так сильно, что я всхлипнула от неожиданного удовольствия. Он сразу же отскочил, чуть не вырвав мне клочок волос, и извинился за то, что сделал больно. Было неудобно объяснять, что мне вообще-то понравилось, поэтому я приняла его извинения, сказала, что не произошло ничего страшного, и пошла домой расстроенная, с набухшими сосками и в мокрых трусиках.

Я тогда еще не понимала, насколько важно было то, что тот поцелуй взволновал меня. Но я понимала, что хорошие девочки не получают удовольствия от такого, а если и получают, то уж точно не говорят об этом. Жизнь шла своим чередом, я проходила через стандартные этапы. Наконец, воспользовавшись тем, что маме моего первого парня пришлось выйти на работу, чтобы подменить коллегу, мы с ним потеряли невинность, но, поскольку ни один из нас раньше сексом не занимался, мы чувствовали себя скованно и постоянно прислушивались, не вернулась ли его мама. Этот первый раз, несмотря на приятные ощущения, не перевернул мою жизнь. Потом я даже думала, что это было не так приятно, как лежать в постели и трогать себя, хотя я не проследила взаимосвязи с тем фактом, что не испытала оргазма. Вспоминая о том, какими невинными и осторожными были наши неуклюжие телодвижения,

кажется чудом, что нам вообще удалось заняться сексом в тот первый раз. Однако мы обнаружили, что практика приводит если не к совершенству, то уж точно к тому, что «мы долго улыбаемся друг другу, ничего не соображая». Но невозможность уединения означала, что мы постоянно боялись быть застигнутыми на месте преступления и приобрели навыки быстрого переодевания, которыми мог бы гордиться Кларк Кент, хотя, вероятно, его это могло смутить.

Глава 2

Долгожданная встреча

Мой первый роман сошел на нет, так как мы оба выпорхнули из дома и разъехались по университетам. Вначале мы скучали друг по другу, но, как и все первокурсники, вскоре очутились в водовороте студенческой жизни.

Тем не менее достаточно долго мои развлечения во внеучебное время в основном сводились к выпечке хлеба на общей кухне – мама не любила, когда кто-то крутился на кухне, поэтому я была рада возможности приготовить что-нибудь для себя. Порой мы выпивали и вели дискуссии, которые сегодня кажутся претенциозной ерундой, но которые были так важны в 18 лет, поскольку свидетельствовали о самостоятельности. В череде этих полупьяных дебатов я встретила Райана. Хотя он и не сбил меня с пути истинного (к этому моменту я была совершенно уверена, что и сама могу высказывать мысли достаточно сомнительного свойства, не обращаясь к растущей кипе приобретенных книг и к Интернету), Райан определенно приоткрыл дверь в мир, желание попасть в который я еще не осознала, хотя смутно догадывалась о его существовании. Итак, минимум несколько часов, проведенных в дебатах о Фуко[2 - Мишель Поль Фуко (1926–1984) – французский философ, теоретик культуры и историк. Создал первую во Франции кафедру психоанализа. Является одним из наиболее известных представителей антипсихиатрии. – Прим. ред.], феминизме и Хомском[3 - Аврам Ноам Хомский – американский лингвист, политический публицист, философ. Помимо лингвистических работ, Хомский широко известен своими радикально-левыми политическими взглядами, а также критикой внешней политики правительств США. – Прим. ред.] (я уже говорила, что это было претенциозно), не прошли даром.

Я впервые встретила Райана в библиотеке, когда училась на третьем курсе. Его излюбленное место оказалось как раз напротив моего; волей-неволей нам приходилось притворяться более прилежными студентами, чем мы были на самом деле. Мы обменивались вежливыми кивками, иногда даже фразами типа «посмотришь за моими вещами, пока я сбегаю в туалет?», хотя я все равно брала сумку с собой. Он был симпатичным, но я не привыкла пускать слюни, увидев смазливую физиономию.

Однажды вечером моя подруга Кэтрин привела Райана в паб. Он присоединился к нашей компании, однако он скорее наблюдал, чем участвовал в дискуссии. Когда же Райан вмешивался, его реплики были обдуманно и неторопливы, он выражал свои мысли четко и не позволял перебивать себя. Признаюсь, Райан меня впечатлил – он разительно отличался от большинства других парней за нашим столом.

Райан изучал политику, окончил аспирантуру в Америке и приехал в наш университет по обмену. Он был немного старше меня. Легкий в общении, остроумный и приятный собеседник, он тем не менее относился к учебе – впрочем, и ко многим другим вещам – очень серьезно. Мне это нравилось. Жизнь в колледже была веселой, но я не участвовала в «неделе первокурсника» и не напивалась в хлам. Я всегда помнила о том, что учеба стоит денег и я должна трудиться. Мне нравилось, что он чувствует то же самое и так же относится к учебе. И еще... Нельзя было не заметить, что Райан весьма сексуален в своей задумчивой и немного эксцентричной манере, а от его акцента и правда могли появиться мурашки, если, конечно, он не толкал речь.

Прошло время... Однажды разгорелся спор о календаре, который решили выпустить девушки, чтобы собрать средства для своей спортивной команды. Они позировали «ню», символически прикрыв свои прелести. Один из парней, живших на моем этаже, начал причитать, как это унижительно, очевидно, потому что на одном из фото была его подруга. Я возразила, что это вовсе не унижительно и вообще, какое ему дело, если она при этом чувствует себя комфортно. Страсти накалялись, что было неизбежно, поскольку парня волновало то, что другие будут похотливо смаковать пышные прелести его дамы, и отсутствие четких формулировок с лихвой дополнялось дикой жестикуляцией и выразительными гримасами. Я не могла сдержаться. По большому счету, мне было все равно, но спорить оказалось весело и говорить оппоненту правду в лицо было легко, словно ловить рыбу в бочке. Пусть даже наполовину наполненной пивом.

Вскоре стало ясно, что не только я участвую в дебатах из спортивного интереса. В борьбу вступил Райан, называя меня антифеминисткой и рассуждая о характере намерений девушек и о том, какое впечатление могли произвести фотографии. Обсудив низкопробные старомодные открытки к праздникам, он плавно перешел к дебатам о плюсах и минусах порнографии.

Через некоторое время круг спорящих сузился. Остальные отправились за следующей кружкой пива, смешались с толпой или – если честно – просто смылись. Но мы продолжали спор: Райан был на стороне противников любого рода порнографии, я же выступала в ее защиту, поскольку считала, что каждый волен выбирать сам и вознаграждение является весьма достойным. Кэтрин вертела головой, наблюдая за нашей перепалкой, как за игрой в теннис.

Примерно в середине поединка я начала хихикать про себя. Моя теория в отношении порно во многом (принимая во внимание законность) основывалась на принципе «каждому свое», и меня не очень волновал исход спора. Однако я не могла допустить, чтобы последнее слово осталось за Райаном, и хотела дождаться, когда он выдохнется. Кроме того, мне было приятно, что все внимание горячего американского парня было направлено на меня, хотя он время от времени хватался за голову, видя мою непримиримость.

И вот настал момент, когда я увидела по глазам Райана: он наконец понял, что спор был затеян мной просто так. Он снова взялся за голову, потом выпрямился и посмотрел на меня долгим взглядом. Райан не мог не заметить, что я еле сдерживаю улыбку. Наконец он перегнулся через стол, чтобы пожать мне руку.

– Хорошая игра, мисс. Молодец.

Я улыбнулась и угостила его пивом. Это был просто жест вежливости.

К тому моменту бар уже опустел, и мы засобирались домой. И я, и Кэтрин нетвердо стояли на ногах и глупо хихикали. Райан предложил проводить меня домой, но, когда я уже завязывала шарф, Кэтрин наклонилась и схватила его за руку.

– Ты мог бы проводить домой нас обеих. Мы живем в одном общежитии.

Возможно, Кэтрин приняла желаемое за действительное, но Райан, по-видимому, не был в восторге от такого предложения. Я, честно говоря, тоже: парень, с которым мы неделями просиживали в библиотеке друг против друга, оказался довольно милым, и я надеялась, что он чувствует то же самое по отношению ко мне. Тем не менее, помня, каким он был зажатым в других ситуациях, мне не хотелось упускать эту возможность.

И все-таки... как здорово, что у меня был Интернет! Проснувшись на следующее утро с гудящей головой и мечтами о сэндвиче с беконом, я обнаружила письмо, в котором он предлагал встретиться и сходить в кино. Я была так рада, что написала ответ еще до того, как встала с постели в поисках спасительной чашки чая.

Мы пошли в кино. Он явно сделал ошибку, галантно позволив мне выбрать фильм самой. В результате я – сама того не желая – потащила человека, которого напрягали ужастики и раздражала научная фантастика, на фильм, в котором было намешано и то и другое. Даже в темном зале, в мерцающем свете экрана, я видела выражение легкого презрения на его лице – по крайней мере, когда он не закрывал его руками.

После фильма мы отправились перекусить. Разговор был очень даже оживленным – и не только потому, что я посмеивалась над ним, называла еще большим трусишкой, чем я сама, но Райан так забавно интерпретировал киношное действие и нестыковки в сюжете, что я начинала громко хохотать. Мне было очень весело, и, когда Райан предложил повторить попытку, я согласилась не раздумывая.

Мы продолжали встречаться. Поход в «комеди-клуб», на концерт... потом Райан просто пригласил меня посмотреть фильмы на DVD, что даже по моим относительно невинным понятиям я посчитала прорывом на фронте ухаживаний. Я испекла брауни, и, пока меня мучили сомнения, не сильно ли они отличаются от тех, что мы готовили дома, он пожирал их, запивая литрами кофе и щелкая кнопками на пульте. Наконец, когда я уже устала размышлять о том, интересую ли Райана с романтической точки зрения, он сделал первый шаг. Наклонившись ко мне якобы для того, чтобы смахнуть прилипшие крошки, он быстро, вслед за прикосновениями своих пальцев, прижался губами к моим губам. Я улыбнулась про себя, но не почувствовала желания отвернуться. К тому моменту я неделями только и думала, каким будет этот момент.

Он начал осторожно, нежно касаясь моих губ, покрывая их легкими поцелуями, а потом, уже смелее, проник языком в рот и поцеловал меня по-настоящему. Я не была разочарована, почувствовав вкус мягких губ со вкусом шоколада и кофе, и чуть приоткрыла рот, как бы приглашая Райана исследовать меня дальше.

Его руки скользнули вокруг меня, поглаживая по спине, прижимая еще теснее. Ощувив движение пальцев Райана по позвоночнику, я задрожала от возбуждения; все во мне отозвалось на его прикосновение, на единение его тела с моим – его рук... губ... и того, что так настойчиво хотело войти в меня.

Мы долго просто целовались, упиваясь друг другом. Райан был великий мастер целоваться, неторопливый и страстный, и пока наши руки блуждали поверх одежд, он с энтузиазмом продолжал дразнить меня движениями своего языка, так что мой мозг начал потихоньку отключаться. В этой сладкой дымке промелькнула одна хрупкая мысль: Если только его поцелуи могут заставить меня чувствовать ТАКОЕ, что же, черт возьми, будет, когда мы займемся любовью?

Когда Райан начал расстегивать мои джинсы, я подумала, что и мне пора кое-что выяснить. Руки сами собой потянулись к его ремню, но он схватил меня за пальцы, поднес ко рту и мягко поцеловал их, прежде чем вновь отвести мои руки к молнии моих же джинсов. Райан начал стягивать их с меня, показались веселенькие голубые трусики в горошек, и я слегка покраснела.

Он ухмыльнулся.

– Чудесно.

Я лихорадочно начала искать оправдание столь необычному выбору нижнего белья, но Райан взглядом остановил меня.

– Посиди вот так... хоть минутку.

Я шевельнулась, а Райан полностью стащил мои джинсы и трусики вниз, оставив меня совершенно голой.

Минуту, которая тянулась вечность, он просто смотрел. Я пыталась не вертеться, но это всегда нелепо, когда кто-то смотрит на твои прелести в первый раз, особенно если это не детская игра во взрослых типа «ты покажи свое, а я потом покажу мое». Райан улыбался. Быстро опустив глаза вниз, на самое интересное место в его джинсах, я с облегчением поняла, что он доволен увиденным. Я снова передвинулась вперед, стремясь дотянуться до Райана, но он остановил меня.

- Все прекрасно. Просто подожди.

- Я не могу терпеть, - прорычала я.

- Пусть это будет воспитательный момент, - сказал Райан, опустившись передо мной на колени.

Я легонько ударила его по колену босой ногой и застонала, когда он провел пальцем по внутренней стороне моего бедра... так близко к тому месту, где я ждала его прикосновений больше всего, и все же не там. В этой игре, где участвуют двое, самое главное - терпение. Я ждала, и мои бедра едва заметно дрожали, когда Райан поглаживал меня, отчаянно желая, чтобы он переместился всего на несколько сантиметров внутрь и дотронулся до меня там, где я сейчас до боли желала этого. Я закрыла глаза, пытаюсь контролировать себя. Думаю, мне это почти удалось, по крайней мере пока я не почувствовала, как его губы мягко скользят вниз, чтобы... попробовать меня на вкус. Я застонала, и Райан тоже, и его мурлыканье от удовольствия первого, самого интимного, касания было настоящим потрясением. Потом он начал меня целовать, таким же избирательным и при этом всеобъемлющим образом, как несколькими минутами раньше, когда он захватил в безраздельное владение мой рот. Я извивалась вдоль дивана, придвигаясь ближе к Райану, который доводил меня до безумия своим языком, перемежая легкие и дразнящие движения с более настойчивыми и жесткими. Мой оргазм увеличивался, стихал, вновь нарастал и вот наконец, когда Райан сильно сжал мой клитор зубами и потянул, я кончила - мощно, полно и с такой силой, что увидела звезды. Это было как откровение, и я даже засмеялась от радости.

Я посмотрела сверху вниз на Райана, по-прежнему очень серьезно взирающего на меня, и потянулась к его лицу, чтобы погладить пушок на его щеке. Он улыбнулся и повернул голову, целуя мою руку, а я наклонилась поцеловать его и потом вытянулась на полу рядом, свернувшись калачиком, близко-близко,

чтобы он мог слышать мое гулко бьющееся сердце. Когда мое дыхание выровнялось и я вернулась на землю, то почувствовала мощную эрекцию Райана, и в этот раз, когда я опустила руку вниз, он меня не остановил. Я расстегнула ширинку, извлекла его сокровище и наклонилась, чтобы коснуться его губами, но Райан не дал мне сделать этого.

- Пожалуйста... позволь мне побыть в тебе.

Я быстро кивнула и повернулась на спину, пока он манипулировал с презервативом. Глупо было спорить, когда мой собственный оргазм уже почти улетучился. Райан вошел в меня, и этот первый момент нашего слияния заставил меня внутренне сжаться. Он застонал и уткнулся лицом в мое плечо. Я чуть придвинулась к нему бедрами, чтобы он вошел глубже, но, прежде чем приступить к действию, Райан расстегнул лифчик и со стоном высвободил мою грудь.

Жадно уставившись на затвердевшие соски, он не мог не съязвить:

- А где же бюстик в горошек? Я разочарован...

Я показала Райану язык, а потом начала двигаться более настойчиво, из-за чего груди стали подпрыгивать еще сильнее. Райан наклонился и захватил их руками, поглаживая и целуя, по очереди касаясь губами моих сосков, и - наконец - начал двигаться сам.

Секс был таким, что перехватывало дыхание. Все остальное потеряло смысл - сейчас важны были только наши движения, наша связь, наше наслаждение. Я наблюдала, как лицо Райана теряет свою серьезность и он становится совершенно беззащитным. Меня это невероятно заводило... Видя, как его оргазм достигает вершины, я дотронулась пальцами до клитора всего на секунду, и это прикосновение тоже подняло меня до небес.

На следующее утро единственной тучкой на горизонте было сознание того, что наши отношения ограничены во времени. Я вдруг расстроилась, но, проведя весь вечер, лежа в чем мать родила на диване в его комнате, уткнувшись в телик и потягивая пиво, с паузами на поцелуи, ласки и секс, я твердо решила, что хочу получать максимум от каждого момента, когда рядом находится Райан. Надо было ковать железо, пока горячо.

Мы начали встречаться, хотя перспектива скорого возвращения Райана в Штаты не позволяла строить серьезные планы. Он был тактичным и внимательным любовником, бесконечно терпеливым и в те моменты, когда доставлял мне удовольствие, и тогда, когда получал его сам. Райан охотно позволял мне исследовать его тело, и я все увереннее облизывала и сосала его член, играя с ним столько времени, сколько мне хотелось, учась доставлять ему удовольствие, что мне очень нравилось. Тем не менее я бы ни за что на свете не стала предлагать Райану эксперименты, хотя бы отдаленно связанные с какими-либо сексуальными отклонениями, и то, что произошло дальше, послужило первым уроком: не стоит строить никаких предположений о людях.

Мой первый опыт сексуального эксперимента, как, наверно, и у многих людей, связан со здоровой мастурбацией.

Мне нравится думать, что у меня богатое воображение. В общем, это действительно так, и я говорю это не столько с гордостью, сколько констатируя сам факт: меня посещали грязные мыслишки о том, как интересно было бы использовать предметы, которые выглядели совершенно невинно, по другому назначению. Эти мысли вкупе с моими финансовыми приоритетами в университете – книгами и пивом (не обязательно именно в таком порядке) – означали, что моими любимыми секс-игрушками стали несколько видоизмененные предметы домашнего обихода.

Итак, я считала, что среди моих вещей нет ничего, что могло бы быть использовано для каких-то гнусных целей против меня (т. е. из уже опробованного мной раньше или хотя бы потенциально рассматриваемого), нет уж, спасибо. Вот почему простая расческа стала для меня большим сюрпризом.

У меня очень жесткие волосы, и их много. Нет, не в том смысле – т. е. я слежу за тем, чтобы все ключевые участки были тщательно выбриты, – но первым делом, когда я встаю утром, еще не проснувшись окончательно, я похожа на дикарку с острова Борнео.

Впрочем, как и после хорошего секса тоже.

До какого-то момента мы, однако, не заходили слишком далеко. Мы целовались часами, желали продлить напряжение, когда каждый поцелуй и движение губ –

это прелюдия и обещание чего-то большего. Наконец мы достигли негласной договоренности перейти к серьезным действиям; мое лицо горело от его щетины, соски откровенно торчали из лифчика, а в брюках Райана появилась недвусмысленная выпуклость. Когда мы оторвались друг от друга, он вытащил руки из моих волос, хотя и с некоторым трудом.

Я попыталась рукой привести волосы в некоторый порядок, но Райан отвел мою руку в сторону и поцеловал по очереди каждый палец. На его щеке появилась ямочка, но в улыбке было что-то зверское.

– Забудь. Мы все равно приведем их в беспорядок. Все о'кей. Мне нравится, когда ты растрепанная.

Я опять, дразня Райана, показала ему язык и начала расстегивать рубашку.

– Я ничего не могу поделать со своими волосами. Кстати, твои сейчас выглядят ничуть не лучше.

Я неопределенно махнула рукой назад, слегка подзадоривая его.

– Там где-то есть расческа... Можешь воспользоваться, если надо.

У Райана были черные волосы, такие же непослушные, как у меня, – даже до того, когда я запустила в них пальцы, когда мы целовались. При том, что Райан был пострижен коротко, волосы спереди все время падали ему на глаза, и он, когда говорил что-нибудь важное, невольно взъерошивал их, пытаясь убрать со лба. Я обожала этот жест (впрочем, как и самого Райана).

Я отвернулась и стянула брюки, наклонившись, чтобы убрать их с пола, где они собрались вокруг моих ног. Именно тогда он меня ударил.

Я услышала звук удара. И поняла, что совершенно этого не ожидала. Когда кто-то внезапно изо всех сил шлепает тебя по заднице так, что звук от удара разносится по всей комнате, это больно. Даже если в глубине сознания появляется мысль: «Подумаешь, какой-то несчастный шлепок», – все равно не можешь удержаться от соблазна потереть ушибленное место. Я по крайней мере не смогла.

Обернувшись и все еще держа руку на своей бедной попе, я увидела широко раскрытые невинные глаза Райана и губы, расплывшиеся в улыбке. Он помахал щеткой-расческой у меня перед носом.

- Ты сказала, я могу воспользоваться этим.

М-да... Старая как мир поговорка права: следи за тем, что говоришь. Чувствуя, что меня ждет совершенно потрясающий опыт, о котором, возможно, я мечтала много лет, я улыбнулась в ответ, собрав все свое мужество...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дэвид Джеймс Беллами – известный британский писатель, телеведущий, эколог и ботаник. – Прим. ред.

2

Мишель Поль Фуко (1926–1984) – французский философ, теоретик культуры и историк. Создал первую во Франции кафедру психоанализа. Является одним из наиболее известных представителей антипсихиатрии. – Прим. ред.

Аврам Ноам Хомский – американский лингвист, политический публицист, философ. Помимо лингвистических работ, Хомский широко известен своими радикально-левыми политическими взглядами, а также критикой внешней политики правительств США. – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/morgan_sofi/intimnyy-dnevnik-podchinennoy-real-nye-50-ottenkov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)